

ТОПОСЫ “ХВАЛЫ” В КАРОЛИНГСКОЙ ЭКЛОГЕ: ОТ ИМПЕРАТОРА К СВЯТОМУ

© 2009 г. М. Р. Ненарокова

Статья посвящена существованию и развитию античного жанра эклоги в эпоху Каролингского возрождения. Одной из черт эклоги был набор топосов. В конце VIII–IX в. на первое место вышел топос “хвалы герою”. Личность героя эклоги изменялась на протяжении рассматриваемого периода: император (780–820-е гг.) – епископ, настоятель монастыря (830–840-е гг.) – святой (конец IX в.).

The essay explores the bucolic genre, one of the popular genres of the Roman literature, and its existence and development in the Carolingian Renaissance. A set of *topoi* was one of the characteristic features of the eclogue. In the period of 780–900 the *topos* of “the praise of the hero” came to the foreground. The type of the main agent underwent a change in the course of the period in question: the emperor (780s–820s) – a bishop or an abbot (830–840s) – a saint (the end of the 9th c.).

Эпоха Каролингов, в особенности правление Карла Великого, воспринималась современниками как возрождение Римской империи: “...Снова превращаются наши времена в образ жизни древности: / Золотой Рим вновь возрождается для мира” [1, р. 15]¹. Под “золотым Римом” подразумевался определенный период истории – Римская империя эпохи Октавиана Августа (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.), ее политика, культура, весь строй жизни. Карл, как и Октавиан, окружил себя учеными людьми, поэтами, которые, имея перед собой античные образцы, создавали новую, средневековую литературу. Кружок придворных, объединенных любовью к поэзии и философии, был назван Академией, по примеру Платоновской Академии в древних Афинах, однако литература, которую читали члены Карловой Академии, была по преимуществу латинской, римской.

Академия была дворцовой школой, устроенной по образцу школ античности, где основой образования были “семь благородных искусств”: грамматика, риторика, диалектика (“тривиум”) и арифметика, геометрия, астрономия, музыка (“квадриум”). В начале 80-х гг. VIII в., когда завершились итальянские походы Карла, к его двору прибыло несколько образованных клириков из вновь завоеванных земель. Один из них, Петр Пизанец, возглавлявший Академию в 775–780 гг., был носителем античной риторской традиции. Он учил короля и его приближенных правильно писать по-латыни, сочинять изящные стихи и читать античных авторов. Одним из самых читаемых авторов и в эпоху Каролингов, и вообще в

Средние века, был Вергилий, ведущий поэт эпохи Августа, крупнейший римский поэт-эпик.

Довольно рано, уже в V веке, на тексты Вергилия стали смотреть “с благоговением, которое подобало вместилищу тайн веры” [2, р. 105]. Тракаты Каролингского времени пестрят цитатами из произведений этого поэта, которые вводятся фразами: “Также это [речение] Вергилия” [3, v. 101, col. 969], “как [говорит] Вергилий” [3, v. 101, col. 691], “Потому и Вергилий [говорит]” [3, v. 101, col. 1116], “о чем Вергилий [говорит]” [3, v. 101, col. 1116], “согласно этому Вергилиеву [речению]” [3, v. 110, col. 938, 804, 862, 1011, 722], “как и это Вергилиево [речение]” [3, v. 111, col. 445] и просто “Потому поэт [говорит] об этом” [3, v. 104, col. 733], причем и без упоминания имени читатель понимает, кто имеется в виду. На мнение поэта, выраженное в стихотворных строках, ссылаются для подтверждения самых разных, в том числе и богословских, идей.

Так, например, цитата из Пятой эклоги Вергилия обнаруживается в трактате Карла Великого “Об иконах”. Рассуждая о том, что люди, впавшие в ересь, погрешают всё больше и больше, если не ищут истину, автор текста метафорически изображает глубины их духовного падения при помощи хорошо известных всем строк, которые должны вызвать в памяти читателя картины всеобщего запустения, вызванного смертью Дафниса: “Вместо нежной фиалки, вместо сияющего нарцисса, / Поднимается чертополох и колючий кустарник с острыми шипами” [4, р. 12]. Метафора развивается далее. Более раннее поколение заблуждающихся увидело, как “на церковных полях” “вместо пшеницы вырастали плевелы”, а их потомки еще

¹ Все наблюдения сделаны на основании латинских текстов. Цитаты даны в переводе автора статьи.

больше запутались в своих заблуждениях: перед их глазами, “когда еще не вырваны и [растущие] вместо пшеницы плевелы, [там] поднялся колючий кустарник” [3, v. 98, col. 1232]. Вероятно, для современников Карла смерть Дафниса могла аллегорически пониматься как духовная смерть, а приведенные строки Вергилия совпадали по образности с евангельской притчей о пшенице и плевелах (Мф. 13: 25–40) и давали возможность развить ее.

Иногда отдельные стихи из Вергилиевых эклог употреблялись в письмах в качестве своеобразных клише, которые должны были заменять собой более развитые высказывания. Некий Симфозий Амаларий отвечает своему духовному сыну Гунтраду на его письмо о неправильном, по мнению того, поведении некоего пресвитера после принятия Св. Причастия. Духовный наставник оказывается в сложном положении: если он открыто признает правоту более молодого клирика, он может ввергнуть Гунтрада в грех гордыни; с другой стороны, не заметить небрежности нерадивого пресвитера означает самому впасть в грех. На помощь автору письма приходит Вергилий. Симфозий Амаларий говорит по поводу сомнений своего ученика, что он разрешит их при личной встрече и что в настоящее время Гунтраду “должно опасаться лишь одного, чтобы не принять [Св. Причастие] сердцем Иуды” [3, v. 105, col. 1338], но высказывает удивление, почему, видя явные нарушения, Гунтрад «не произнес отцу это Вергилиево [речение]: “О мальчики, бегите сюда, холодная змея скрывается в траве”» [3, v. 105, col. 1338; 4, p. 8]. При том, что змея аллегорически понималась как диавол, такое предупреждение, оставаясь уважительным, могло быть весьма действенным.

Пасхазий Ратберт (786–865), известный церковный писатель и богослов середины IX в., посылая свой трактат “О Теле и Крови Господней” королю Карлу Лысому (823–877), внуку Карла Великого, в посвятельном послании просит того не ожидать, что “он сочинит повествование из Вергилиевых солений” [3, v. 120, col. 1261], однако заканчивает послание строкой из Третьей эклоги: «Если Ваше Достоинство любезно примет то, что я преданно предлагаю, и все таковое мое [писание] будет приятно, произнесу в конце это Мароново [речение]: “Десять золотых яблок я послал, завтра другие пошлю”» [3, v. 120, col. 1262; 4, p. 8]. Вспомнив контекст, из которого извлечен этот стих, адресат мог понять, что автор посвящает ему трактат, движимый горячей любовью к нему; с другой стороны, начало этого двустипхия Меналка у Вергилия – “Что я смог... [послал]” [4, p. 8] – указывает на смирение Пасхазия. Воз-

можно, упомянутая строка из Третьей эклоги нередко использовалась как клише, которое должно было передавать одновременно горячие чувства и смирение пишущего. Также она встречается у Винфрида-Бонифация (ок. 675–754), одного из ранних авторов периода, известного как Каролингское возрождение, в посвятельном послании к циклу латинских загадок [5, p. 3], причем у него яблоки аллегорически понимаются как плоды Древа познания, выросшего в Раю. Пользуясь этой цитатой из Вергилия, авторы, таким образом, еще и подчеркивали правильность своих сочинений с точки зрения богословия.

В “Толковании на Евангелие от Матфея” Христиан из Стабло (2-ая пол. IX в.), комментируя стих “Дочь Иродиады плясала перед собранием” (Мф. 14:6), прибавляет: “Читаем, что в Сенате Сивилла представила в танце и пении десять эклог Вергилия” [3, v. 106, col. 1379].

Сама личность Вергилия и его отношения с императором Августом также стали образцом для подражания. Так, Алкуин, убеждая Карла в том, что ему в его немолодые уже годы не стоит участвовать в военных действиях, осмеливается перечить императору, пользуясь цитатой из той же Третьей эклоги: «...Что может немощь Флакка среди сражения?.. имеете предписания Господа Бога [о том], чтобы робкий оставался дома и не заставлял бояться других. И Вергилий писал Августу: “...Ты преследуешь вепрей, я же сохраняю сети”» [3, v. 100, col. 182; 4, p. 8]. Здесь прослеживается не только очевидные аллюзии из римской истории и литературы и одновременно из ветхозаветной Книги Судей (Суд. 7:3), но и скрытая аллюзия на I Книгу Царств (1 Царств., гл. 30). В 30-й главе рассказывается, что во время войны с амаликитянами Давид, тогда еще военачальник царя Саула, не брал в бой ослабевших и усталых воинов (1 Царств. 30:9).

Вергилиевы эклоги были столь распространенным чтением в Средневековье, в частности, в эпоху Каролингов, что исследователи называют IX век “первым великим веком средневековой буколики” [6, p. 8]. Греческие названия этого жанра – буколика (от грк. “пастушеская песнь”), или эклога (от грк. “выбор”), – подразумевают, что главными героями буколик являются пастухи и что собрание таких стихотворений имеет случайный, фрагментарный характер [7, с. 59; 8, с. 230]. “Буколики” Вергилия были известны всем образованным людям, ибо они были частью средневековой школьной программы, а также произведения его продолжателей Кальпурния Сиккула и Немезиана. Кроме эклог упомянутых авторов в

эпоху Каролингов были известны так называемые Айнзидельские эклоги, имя автора которых не сохранилось. Сами они получили свое название по монастырю, где были обнаружены.

Все эти произведения, созданные в русле буколического жанра, воспринимались как примеры композиции, как сокровищница образов, тем, “общих мест”, которые могли использоваться поэтами последующих поколений. Особенностью средневекового усвоения этого жанра было его восприятие через призму комментария, который был составлен Сервием, латинским грамматиком, жившим в Риме около 400 г. Сервиевы “Комментарии на Буколики Вергилия” служили основой для изучения творчества Вергилия в эпоху Средних веков и Возрождения и не потеряли своего значения до сих пор. В комментариях внимание обращено на те черты, которые принимались средневековыми поэтами как необходимые и типичные признаки эклоги.

Сервий подчеркивает некоторые ее особенности, которые можно легко заметить даже при поверхностном чтении: героями эклоги становятся пастухи [9, р. 2], имена которых происходят “от сельских занятий” [9, р. 4]; яркой чертой буколики является, по Сервию, “пение амебейное”, то есть по очереди [9, р. 34], однако пение может быть и сольным, а собеседник или слушатель предполагается. Другие признаки, менее заметные, были выявлены современными учеными и отмечены в исследованиях, посвященных Вергилиевым эклогам.

Так, одной из наиболее заметных черт эклоги является набор топосов. Кроме того, что главными героями эклоги, согласно Сервию, являются пастухи, для этого жанра характерно упоминание сельской местности, сельского пейзажа, пусть и очень схематического; лесов, реки, овец, коз, коров; музыкальным инструментом эклоги является пастушеская свирель [10, р. 289]; упоминаются текущий мед, молоко, вино – символы поэзии и поэтического вдохновения [11, р. 148, 152]; в качестве подарков возлюбленным предлагаются яблоки или голуби [12, р. 206]; часто встречаются названия цветов, деревья увиты плющом и виноградом [11, р. 148–149]. Есть и топосы, относящиеся к изображению главных героев (например, встреча пастухов разного возраста, вызов на состязание в пении, нечестный соперник, приглашение судьи, определение награды за лучшую песню и т.д.). Природа участвует в жизни людей, сопереживая им [13, р. 174].

Сервий пишет, что Вергилий “в некоторых местах посредством аллегории воздает благодарение

Августу или другим знатным [мужам]” [9, р. 2]. Таким образом, аллегория, которая в средние века широко используется в богословской литературе, вовсе не исключается из Каролингской буколики. Напротив, ее присутствие в обманчиво простом тексте всегда можно оправдать необходимостью. Как пишет Беда Достопочтенный в трактате “О фигурах и тропах”, “аллегория есть троп, которым обозначается иное, чем говорится”. И далее: “...действительно, должно отметить, что аллегория иногда возникает при помощи действий, а иногда только при помощи речений” [3, v. 90, col. 184–186]. То есть, переносный смысл могут иметь и описываемые в тексте действия, и сами употребляемые в описаниях слова.

В эклоге в виде аллегории допускаются намеки на события из жизни автора и окружающих его людей, политические аллюзии [14, р. 22–23]. Образы пастухов могут стать масками, за которыми автор прячет своих современников. Впуская в вымышленный идеальный мир историческую реальность, поэт не может избежать упоминания негативных сторон человеческой жизни [13, р. 179], хотя у Вергилия они никогда не выходят на первый план.

Отличительной чертой эклог Вергилия являются положенные в основу их композиции учение Пифагора о числе и принцип симметрии [15, р. 365–367; 16, р. 95]. Вергилий первым ввел в эклогу загадки, сделав их, таким образом, неотъемлемой особенностью жанра [12, р. 217–218; 17, р. 256; 18, р. 213; 19, р. 29]. Эти признаки, не упоминавшиеся или в недостаточной мере разбиравшиеся Сервием, могли усваиваться средневековыми поэтами в процессе обучения и восприниматься как необходимое дополнение к тем, на которые указывал Сервий в своих комментариях.

Благодаря тому, что комментарии Сервия изучались в средневековой школе, в частности, в школе эпохи Каролингов, черты эклоги, упомянутые выше, получили характер правила, стали более или менее обязательными при написании буколической поэзии. Однако необходимость наполнить старую форму новым содержанием привела к перераспределению признаков жанра по степени важности с точки зрения христианства. Наиболее подверженным изменениям признаком буколического жанра стал набор “общих мест”, топосов, среди которых в эпоху Каролингов на первый план выдвинулись топосы “похвалы” светскому или духовному правителю.

Император, правитель является одним из второстепенных, но крайне важных героев эклог Вергилия. Он никогда не выходит на первый план,

не участвует в действии, но главные герои часто упоминают его и дают читателю понять, что без воли императора, без его отеческого попечения их мирная и привольная жизнь превратилась бы в цепь несчастий. В эклогах Кальпурния Сикюла и Немезиана, последователей Вергилия, делается всё больший акцент на значении личности императора для процветания подвластных ему земель. Тема встречи с императором становится неотъемлемой частью буколической поэмы. У Вергилия император милостиво позволяет Титиру оставаться на собственных землях: “Пасите, как прежде, коров, дети, разводите волов” [4, р. 2]. Кальпурниев Коридон радуется заступничеству Мелибея, потому что, в противном случае, “... и сам не склонил бы ко мне беззаботный / Слух сам [земной] бог, и далеко звучащие молитвы, / Конечно, не услышал бы на краю света” [20, р. 247–249]. В Каролингских эклогах светский, а к середине IX в. и духовный правитель оказываются в центре внимания поэтов.

Поэзия, создававшаяся при дворе Карла Великого, постоянно упоминает имя императора в хвалебных тонах. Даже если стихотворение не является панегириком Карлу, его имя все равно может вписываться автором в общий контекст. Так, два члена придворной Академии, уже упоминавшийся выше Петр Пизанец и Павел-Варнефрид Диакон (ок. 725–ок. 799), поэт, богослов и историк, известный своей “Историей лангобардов”, как-то раз вполне в традиции буколических пастухов обменялись стихотворениями, составившими единый ансамбль наподобие состязания в пении, изображенного в Третьей эклоге Вергилия. В их стихотворениях есть и набор топосов, типичных для эклоги, и обмен загадками. Хотя появление одного из топосов, связанного с личностью императора, трудно оправдать, исходя из логики развития сюжета стихотворений, тем не менее, он присутствует в конце текста, написанного Петром (“Versus Petri” [5, р. 52–54]). В качестве завершения своего стихотворения Петр выбирает топос “пожелания императору защиты свыше”, призывая на Карла благословение Божие и указывая причину своей благодарности: “Карла, правящего благоденствующими царствами, О Всемогуший, <...> Ревностными святыми молитвами да сохрани в вечности, / [Карла], который питает и подкрепляет трапезами нашу старость” [5, р. 53–54].

Эклога, принадлежащая перу Дикуйля, ученого ирландца на службе Карла Великого, была написана в конце 80-х гг. VIII в., возможно, в 788 или 789 г. Согласно правилам написания эклоги, стихотворение Дикуйля “Эти стихи королю Карлу – Ирландский Изгнанник” написано в виде диалога.

Дикуйль первым среди каролингских поэтов вводит в эклогу “амебейное пение” не как соревнование, а как беседу. Дикуйль впервые уравнивает пастуха с поэтом и делает собеседницей своего героя Музу. Эклога Дикуйля посвящена событиям 787 г., а именно: восстанию Тассилона, герцога Баварского (748–788), против Карла Великого. Главной темой стихотворения является прославление Карла. Тассилон, выступив против своего господина, нарушил “славный мир отцов” [5, р. 397]. И именно по причине восстановления мира Дикуйль, по мнению собеседницы-Музы, должен “почтить правителя” [5, р. 397].

Карл, выведенный в стихотворении под своим собственным именем, предстает перед читателем как благородный человек, сам не знающий, что такое вероломство, и не верящий, что кто-то из его приближенных способен на предательство. Сначала он не верит в измену Тассилона, но, узнав о ней в точности, собирает могучее войско:

...весьма справедливый герой
Полки собирает, и флот располагает на берегу
Рейна, который от галльских земель отделяет
германские [царства].
Благополучным ходом сказанную реку переплывает,
И славная Германия задрожала от бесчисленных
отрядов. [5, р. 398]

К своим верным сподвижникам Карл обращается, не как новый Эней, основатель государства и нового Рима, но как потомок Энея к потомкам троянцев:

О королевский род, произошедший от высоких
стен
Трои, ибо к этим берегам отцов наших привел
И передал им эти поля Создатель мира,
И подчинил народы справедливым законам фран-
ков,
И навсегда им определил Создатель от судьбы
Эти обширные пределы, чтобы были полностью
получены города,
Служанок, рабов, весь невольнический род отдал
нам.
И недавно враг появился на наших нивах. [5, р. 398]

Война с Тассилоном оправданна. Это защита собственных земель, унаследованных от предков, которые, в свою очередь, получили их по воле Божией. В заключение стихотворения Дикуйль рассказывает о том, что Карл простил своего “слугу”, сказав ему: “Прими знаки вечного служения нам” [5, р. 399], на что слуга, вновь став верным, так как козни “древнего змия” больше не смущают его ум, отвечает:

Король, да будет дан тебе дар спасения во всем,
И я служение вам в веках да исполню. [5, р. 399]

Карл напоминает здесь всех цезарей античной эклоги: он справедлив и милостив, он духовно мудр и видит истинные причины вещей, он один способен возродить “золотой век” на земле. Интересно, что поэт не дерзает называть Карла по имени, для него Карл – “высочайший правитель”, “король”. По имени Карла может называть лишь Муза, которой позволено славить “Создателя мира”. Это роднит Музу Дикуйля с Музой Седулия Скотта, живущей в Раю или, по крайней мере, посещающей Небесное Царство [21, р. 173].

Линия, которую наметил Дикуйль, – разговор с Музой о великом правителе, который противопоставляется всему злomu, что есть в мире, и призван обуздать это зло, и о злом правителе, – будет продолжена много позже Валафридом Страбом в его эклоге “Об изображении Тетрика”.

Одной из ключевых фигур Каролингского возрождения по праву считается англосакс Алкуин (ок. 735–804), богослов, просветитель, советник Карла в миссионерских делах, чувствовавший себя новым Вергилием при Карле – новом Августе. Алкуином написано семь эклог; император упоминается в пяти из них. Так, в раннем стихотворении “Когда блистает золотым светом...” [5, р. 253–254], которое является аллегорическим описанием дня Алкуина в дворцовой Академии, Карл выступает в роли судьи: он призван, как и подобает герою эклоги, рассудить, насколько собранные Алкуином книги хороши для обучения отроков. Алкуин-Флакк обращается к Давиду-Карлу не только как к судье, но и как к защитнику, ибо в обязанности государя входит защита подданных: Давид-Карл должен защитить своего верного слугу от завистников, ибо есть многие, желающие “обесславить песню поэтов” [5, р. 254]. В конце стихотворения Алкуин желает Карлу благословения свыше.

В стихотворении “Придите, Пиериды...”, посвященном одному из сыновей Карла, император упоминается как “отец”, чью “славу” [5, р. 238] составляет столь блистательный и добродетельный юноша. Героя наиболее известной эклоги Алкуина “Словопрение Весны и Зимы” “старца Палемона” также можно отождествить с Карлом; так называл императора в своих эклогах и Муадвин, принадлежавший к младшему поколению придворных поэтов [1, р. 15]. Как и в стихотворении “Когда блистает золотым светом...”, Карл должен вынести суждение, на этот раз о том, кто побеждает в состязании поэтов. В эклоге “Да, ныне кушка...”, обращенной к молодым клирикам Йорка, города, где Алкуин жил, учился и преподавал около сорока лет, также появляется упоминание

об императоре, причем жизнь поэта оказывается тесно связанной с его жизнью: Алкуин говорит, что он “ныне озвучивает славные искусства королевскому / Слуху” и “ведет через луга Высшей Премудрости” [5, р. 273] самого Карла.

Последняя эклога Алкуина, написанная в 800 г., была создана как поздравление на получение Карлом императорского достоинства. Зачин “Стиха к императору Карлу”: “Пусть моя свирель сложит песни возлюбленному Давиду” [5, р. 257], – позже или одновременно повторяется учеником Алкуина Ангильбертом [5, р. 360], однако Ангильберт сужает признание Давида до круга поэтов, а Алкуин говорит от имени всего народа франков – и от социально значимых слоев, и от простого народа: “Давид – любовь народа, Давид – хвала, слава простого народа, / И украшение царства, надежда и венец своим [людям]”. Алкуин не один прославляет Карла. Он призывает Муз идти “в согласии” по городам Запада, «воскликая: “Давид, всегда повсюду будь здоров!”». Вся вселенная: земля, море, небо (“оживотворение природы”), небожители – отвечают им радостно: “Честь будет ему, жизнь, благо!” [5, р. 257] и просят Христа даровать Карлу-Давиду долголетие и благополучие (“призывание благословения свыше”). Алкуин вместе со всей вселенной обращает песнь любви к своему господину и молится о нем:

К тебе ныне, Давид, обращает моя свирель звуки,
Которые, умоляю, чтобы ты прочел с уже обычной
любовью,
За тобой следует мой дух, следует также песнь
любви;
Громко провозглашает, похваляет вместе ночью и
днем.
И, склоненный к алтарю благочестивого отца
Мартина,
Вот, просит всяческое счастье тебе. [5, р. 257]

Далее Алкуин развивает топос “восхваления правителя”, но ограничивается похвалой самому Карлу и перечисляет качества его характера – “сострадание”, “краса справедливости”, “любовь к благочестию”, “благодать”, по причине которых радуется “народ по городам / Весь повсюду вместе, со стариками и юношами” [5, р. 257] (“всеобщее ликование”). “Церковь и Рим, глава мира и также вершина высшей почести”, надеются, что Карл соединит единоверцев в мире и согласии, “чтобы был один дух у тех, у кого одна вера” [5, р. 258].

Алкуин напоминает Карлу, что в мире много несовершенств, которые ему нужно исправить, и преступлений, которые следует сдерживать императорской властью: симония (“Дурная симонийская чума распространяется по свету”), продажность судопроизводства (“выставляется

Подними покоренных и низвергни гордых,
Чтобы мир и священное благочестие правили
повсюду. [5, р. 258–259]

Ангильберт (745–815), принадлежавший к младшему поколению членов дворцовой Академии, написал “Эклогу к королю Карлу” [1, р. 11–13], также продолжающую античную традицию “восхваления правителя”. Если Вергилий, славя Августа, подчеркивает спасение от несчастий [4, р. 2], а Кальпурний Сикул – сохранение мира и, следовательно, процветание страны [20, р. 251–257], то Ангильберт хвалит в Карле-Давиде мудрость, любовь к знаниям, литературе и искусствам, благочестие. Карл у Ангильберта любит “познавать священные мысли древних / И богатства древних пробегать знающим сердцем, / <...> желает вникать в священные тайны Премудрости [Божией]”, “желает иметь наставников, мудрых умом” [1, р. 11]. Как особое “деяние” Карла, которое стоит отметить читателю, выделяется постройка храма – Аахенской капеллы:

Последними произведениями буколического жанра, посвященными Карлу Великому, являются так называемые “Книги” [1, р. 14–20] Муадвина, носившего при дворе прозвище Назон, то есть Овидий. “Книги” Муадвина имеют непростую композицию, но весь текст их пронизан упоминаниями об императоре. Пролог и Эпилог составляют своеобразную раму двум эклогам. И в том, и в другом случае текст начинается с обращения к Карлу, которому, собственно, и посвящаются “Книги”. В Прологе говорится об императоре и его славе. Поэт обращается к адресату как к “Карлу”, призывая его “царственным ... слухом почерпнуть” [1, р. 14] песни, причем и Карл Великий, и сам поэт существуют в реальном пространстве. В Эпилоге поэт обращается к Давиду: “Возлюбленный Богом Давид, благословенный вовеки”. Как говорилось выше, “Давид” было имя Карла в Придворной Академии – в честь библейского царя Давида, правителя, а в юности пастуха и поэта. От Карла до Муадвина дальше, чем от Давида до Назона. Автор Пролога еще ставит себя вне круга единомышленников и друзей, еще только стремится в него войти. Автор Эпилога уже принадлежит к избранным. Он не только обещает “все по порядку ... деянья поведать...”, если император примет его песни “с безмятежным духом и лицом” [1, р. 20], не только побуждает дочитать стихотворное приношение до конца, но и просит адресата не как императора, а как собрата-поэта исправить в тексте Эклоги найденные ошибки.

Даже мои песни не были отвергнуты великим
господином,
Он имеет обыкновение часто играть на сельской
свиристели,
Таковой судья полагает, что я не ничтожен.
[1, p.15]

Во Второй эклогe в виде повествования о “золотом веке”, о котором “достойно рассказывать ... позолоченными свирелями”, возглашается хвала императору, выступающему в конце панегирика уже под своим именем. Аллегорически Карл изображается как “золотое солнце, блистающее золотом”, сияющее “посреди мира” и посылающее “лучи” “во все стороны света”. Это

“неугасимое светило” распространяет свое благотворное влияние как на природу (“укрощает жестокие бури, когда поднимается Нот”, “море, землю, весь мир успокаивает”), так и на жизнь людей. Это необыкновенное “солнце” “жестокие народы подчиняет и племена обуздывает / Бесчисленными законами, и весь мир удерживает”. При нем “преступная распря бежит и печальная смута”, “все битвы умолкают, всяк народ любит мир”, “золотое царство начинается для огражденных от опасностей жителей Рима”. Исчезают бедность, голод, неурожай. Все довольны, даже “прожорливый жадина” наконец испытывает чувство сытости. В конце панегирика поэт сам разъясняет созданную им аллгорию: лучи необыкновенного солнца означают “цезарское правление” и “милостивую власть” Карла. Поэт говорит: “я уже давно упоминал [его] под именем Солнца, / Которое сияет во всем мире ясным мерцанием” [1, р. 18–20]. Император у Муадвина практически обожествляется. Его характеристика состоит не из перечисления его личных качеств, как у Алкуина, и не из упоминаний о его деяниях. Карл у Муадвина характеризуется через результаты воздействия правления и власти так же, как Бог может познаваться через действия Своего промысла в мире.

Если во времена Карла Великого отношение к нему как к правителю было однозначно положительным, то события, происходившие в правление его сына Людовика, заставили современников несколько иначе воспринимать императорскую власть. 30–40-е гг. IX в. отмечены распрей Людовика с сыновьями от первого брака по поводу земель, которые он должен был выделить их младшему сводному брату Карлу, и гражданскими войнами, которые велись с переменным успехом. Общая атмосфера несогласия повлияла и на литературу этого времени, в частности, на буколический жанр. Согласно правилам риторики хвала и хула составляются по одному и тому же плану. Этим воспользовался уже упоминавшийся выше поэт и богослов середины IX в. Валафрид Страб, впервые выведший в своей эклоге “Об образе Тетрика” [22, р. 122–131] (829 г.) не только хорошего, но и дурного правителя.

Главными героями Валафридовой эклоги становятся Тетрик, то есть знаменитый остгот, правитель Италии Теодорих Великий, и Людовик Благочестивый, сын и наследник Карла Великого. В период раннего средневековья Теодорих пользовался дурной славой, поскольку он был еретиком-арианином и отдал приказ о казни философа Боэция [22, р. 120]. Созерцание статуи

Теодориха, привезенной еще Карлом из Равенны и поставленной в одном из двориков Аахенского дворца, заставляет поэта вспомнить всё дурное, что он знает о Теодорихе. Он жаден (“Жадно сохранял большую часть своего великого богатства для себя”), он проклят Богом и миром (“упрек Самого Бога и суждение мира / Присуждают его к вечному огню и великой бездне”), он тщеславен и падок на лесть, подвержен греху гордыни, не желает познавать себя, то есть свои грехи, и исправляться. Описание статуи Теодориха получает аллегорическое толкование. Так, колокольчик, который Теодорих “носит ... с правой стороны”, становится символом похвалы, которую “бесстыдные ... оставляют для тех, у кого совсем нет добродетели”. Конь, на котором Теодорих “едет по камням”, символизирует то, “что он управляет своим гордым животным с жадным чувством, / С бесчувственным сердцем и пустым чувством” [22, р. 123–124].

Статue тирана противопоставляется живой человек, ныне здравствующий правитель – Людовик, “великий Цезарь”, которого, по требованиям буколического жанра, Валафрид называет Моисеем – “великим среди народа”, который ведет “свой народ сквозь свет, как только тьма была удалена”. Валафрид делает Людовика полной противоположностью бездушному изображению. В его время наступили “века, которые древние поэты называли золотыми”. Правитель “золотого века” отличается “благостью” в отличие от тех, кто наслаждается “тиранией”, и главная его заслуга в том, что он строит новые храмы и предлагает всем “дары Христовы”, сообщенные ему. Значение его для народа таково, что Валафрид восклицает: “(Старый) Моисей всего лишь тень, ты (Новый Моисей) имеешь вещество” [22, р. 125]. Поэт заключает свои размышления традиционным призыванием благословения свыше на Цезаря и его род, утверждая его властителем всей вселенной – как мира природы, так и мира людей, и собственным выводом о причинах процветания государства, к которому Валафрид приходит, сравнивая Тетрика и Людовика: “Только тогда возрастает процветающее государство, / Когда короли достаточно мудры, и мудрые люди суть короли” [22, р. 130].

Как кажется, нестабильность политической ситуации до некоторой степени лишила светских правителей – императора и его сыновей – героического ореола, и, благодаря этому тоpos “хвалы” сделался приложим к людям более низкого социального положения – настоятелям монастырей и епископам.

Главным героем “Эклоги двух монахинь” [1, р. 21–25] Пасхазия Ратберта (786–865), известного богослова и писателя середины IX в., становится Адальхард, настоятель монастыря Корби и основатель дочерней обители – Корвея. Особенность Пасхазиевой эклоги состоит в том, что она принадлежит к традиции эпикедиев, “плачей об усопших”. По правилам античной риторики любая речь об усопшем строится как “похвала”, которая, являясь главной, центральной составной частью произведения, разворачивается в сочетании с разнообразными топосами скорби. “Похвалой” объясняется введение в речь об усопшем биографических деталей, относящихся к прошлому [23, р. 205]. Рассказ об Адальхарде строится как диалог между двумя монахинями, Филлидой и Галатеей, олицетворяющими основанные Адальхардом монастыри. Пасхазий вкладывает в уста своих героинь описание наиболее ярких “деяний” Адальхарда-Меналка, первым из которых является основание монастыря Корби во времена, когда “демон свирепствовал, нечестивая власть / И почитание капища всю землю осквернило, / Свергло алтари, обрекло на гибель овчарни паствы Христовой”. Адальхард, однако, одержал победу над древним врагом, козни которого “прочь удалены были лучом света”, и построил “там святые монастыри, полные монахов”. Усопший прежде был “Амьенским” пастырем, а позже предстал “Корбейскому стаду” и его “как отца знает даже саксонская земля” [1, р. 23].

Пасхазию представляется возможность ввести в текст эклоги немногие отобранные факты из жизни Адальхарда, но при помощи сочетания их с топосами, входящими в тему плача, добиться максимального их воздействия на читателя. Так, в речи Галатеи лишь одна строка характеризует Адальхарда, как духовного наставника: “О сколь кроток и ласков словом учитель!” [1, р. 23]. В следующих одиннадцати строках Пасхазий при помощи богатого синонимического ряда выражает одну мысль: “бесконечный плач”.

Пасхазий создает похвалу духовному вождю, поэтому качества, которые он видит как достойные восхищения, несколько отличаются от качеств, присущих светским правителям. В эклоге появляются элементы хвалы, которые требуют для своего осознания деятельного участия читателя. Чтобы понять метафору смерти “разбита гидрия источника” [1, р. 24], необходимо вспомнить несколько цитат из Священного Писания. Человек, почитающий Господа, будет как “источник неоскудевающей воды” (Ис. 58:11) [24, с. 189]. Следующая строка эклоги “Совет Отчизны, Христовой мудрости полный”

[1, р. 24] указывает на цитаты из Книги Притч, например: “Учение мудрого – источник жизни, удаляющий от сетей смерти” (Притч. 13:15). Пасхазий подчеркивает, что мудрость Адальхарда была не мирской, житейской, а “Христовой”, и это уточнение напоминает еще об одной цитате, на этот раз из Нового Завета, о словах Христа, адресованных Самарянке: “кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается источником воды, текущей в жизнь вечную” (Ин. 4:13–14). Греческое слово “гидрия” – “керамический сосуд для воды” в приведенном контексте также вызывает богословские ассоциации: “глиняным сосудом” называется смертная плоть человека (II Кор. 4:7). Строка “разбита гидрия источника” становится скрытым элементом хвалы, тем более действенным, что читатель сам должен подумать о подходящих к случаю библейских цитатах, а то, что человек вспоминает сам, запечатлевается в его памяти надолго.

В заключительной части хвалебной речи перечисляются все достоинства “благочестивого мужа” [1, р. 24]: рассудительность, целомудрие, любовь, кротость, смирение, благородство, мудрость, миролюбие, милосердие. Композиционным центром характеристики становятся строки: “[Оплачьте того,] ... В чьей речи сверкала мудрость Христова, / Открылся кипучий источник жизни, ученье спасенья” [1, р. 24]. Словосочетание “источник жизни” связано с более ранней метафорой “разбита гидрия источника”. Таким образом, и в последней характеристике Адальхарда-Меналка особо выделяется качество, отраженное в ранее приведенных примерах его миссионерской и проповеднической деятельности, его “мудрость Христова”.

К жанру эклоги обращался и Седулий Скотт. Даты его рождения и смерти неизвестны, но в 848–859 гг. он жил в общине ирландцев в Льеже и заслужил прозвище Льежского Марона, то есть Вергилия. Его цикл “К Хартгарию” включает в себя несколько эклог, а также стихотворения, близкие к ним по образности. Цель Седулия состоит в прославлении льежского епископа, покровителя ирландской общины. В стихотворениях Седулия создается буколический мир, вся жизнь которого сосредоточена вокруг Хартгария. Первое стихотворение, панегирик Хартгарию, становится своеобразным прологом ко всему циклу. Седулий считает, что епископ достоин хвалы, ибо он “светило Европы и могущественное благородство” [21, р. 167]. Как и в вышеупомянутой эклоге Пасхазия, характеристика Хартгария как выдающегося духовного вождя строится во многом с помощью

метафор, причем рядом поставлены сразу три метафоры. В стихотворении возникает образ “золотой ветви”. У Вергилия “золотая ветвь” является пропуском к тайнам загробного царства. Седулий переосмысляет этот образ: известно, что золото является символом Небесного Царства и вечности, и потому Хартгарий сам назван “золотой ветвью”, он, как епископ, открывает пастве тайны Небесного Царства. Жизнь Хартгария уподобляется строительству “весьма высокой башни” [21, р. 166]. (“Имя Господа – крепкая башня: убегает в нее праведник, и безопасен” (Притч. 18:10)) или восхождению по лестнице, “которая поднимается на высоты небес” [21, р. 166] (ср. видение Иакова о лестнице, по которой ангелы поднимаются на небо и спускаются на землю (Быт. 28:12–16)). При помощи метафор выделяются качества, которые составляют основу панегирика Хартгария: он просвещает свою паству, ведет праведную жизнь и потому получает милость от Господа. Как и император в эклогах Вергилия, Кальпурния Сикюла и Немезиана, Хартгарий обладает способностью делать своих подданных счастливыми: к нему обращаются, если в чем-либо обнаруживается нужда (стихотворение 3), если жилище его клириков, по их мнению, непригодно для жизни и трудов образованных людей (стихотворение 4). Понятие о божественной природе власти светского правителя переносится на епископа. Как некогда восшествие императора на престол приводило, по мнению Кальпурния Сикюла, весь мир к процветанию и богатым урожаям [20, р. 252], так отъезд Хартгария в Рим связан с зимним временем, умиранием природы, а его возвращение приносит с собой весну [21, р. 170].

Если на протяжении почти всего столетия в центре эклоги стоит реальное историческое лицо, современник поэта – император, епископ, настоятель монастыря, то конец века ознаменовался появлением нового героя. “Эклога о св. Лебуине” [3, v. 132, col. 559–560] Радбод Утрехтского (850–917) прославляет святого. Англосаксонский миссионер св. Лебуин был одним из малоизвестных спутников св. Винфрида-Бонифация (ок. 675–754), положившего начало проповеди христианства на севере Европы. Перед Радбодом стояла довольно нелегкая задача, но в то же время в ней не было ничего неожиданного. Ему предстояло написать панегирик святому, о котором почти ничего не было известно, кроме нескольких достоверных фактов, а именно: его имя, его родина, места, где он проповедовал. В пару “Эклоге о св. Лебуине” Радбод написал проповедь на праздник этого же святого и принужден был ограничиться теми же фактами.

Выход из сложившегося положения Радбоду облегчил набор топосов хвалы, которыми он мог воспользоваться, чтобы восполнить недостающие сведения. Хвала требует учитывать “три времени” жизни героя. К “первому времени” относятся известия о его родине, семье, воспитании, ко “второму”, самому важному, – рассказ о деяниях, “третье” повествует о его кончине и посмертной славе. Используя знания о родине святого, Англии, отделенной от Фризии морем, Радбод получает возможность изобразить святого как воина Христовой дружины, но при этом дружина эта видится как англосаксонская, ибо святой пришел “с берегов англов” [3, v. 132, col. 559]. Святой называется “гребцом Христовым” [3, v. 132, col. 559], приобретая черты рядового воина англосаксонской дружины, путешествующей на корабле. С другой стороны, это вполне христианская метафора, восходящая к раннехристианскому образу Церкви как Корабля и жизни как бурного моря. Св. Лебуин – “гребец” на корабле Церкви, Кормчий которого – Христос. Первым подвигом “гребца Христова” является укрощение бурного Рейна, который аллегорически обозначает язычество земли фризов. Тот факт, что св. Лебуин был миссионером, позволяет Радбоду рассказать о деяниях святого при помощи евангельской образности. Миссионерство понималось как труд “сеятеля” (см. Мф. 13:3–8; Мк. 4:3–8, 14; Лк. 8:5–8;), “жнеца” (см. Мф. 9:37–38; Лк. 10:2). Таким же трудом занимаются крестьяне, изображенные в эклогах. У Вергилия постоянно упоминаются засеянные поля [4, р. 3], богатые урожаем [4, р. 12, 24], желтеющие “молодыми колосьями” [4, р. 7]. Они отнюдь не безлюдны, и читатель видит то “согбенного земледельца” [4, р. 7], то “могучего пахаря” [4, р. 10], то “... жнецов, утомленных палящим зноем ...” [4, р. 4]. Поэтому и изображение св. Лебуина как “необыкновенного земледельца”, которому “удивилась земля” [3, v. 132, col. 559], не противоречит требованиям буколического жанра. Святой сжигает плевелы (см. Мф. 13:30) и вместо них насаждает “деревья веры” – “дубы веры и оливу мира”. Все действия святого толкуются аллегорически: он “посадил виноградные лозы”, когда обратил многих “Словами Животворной Книги”, “посеял [будущий] урожай пшеницы, когда заповедал, чтобы сердца были чисты” [3, v. 132, col. 559]. Радбод останавливается на толковании имени святого, и это не противоречит традиции эклоги, но показывает, что Вергилия продолжали читать вместе с комментариями Сервия, приводившего толкования имен пастухов и пастушек. С другой стороны, объяснение значения имени святого вполне впи-

сывается в традиции средневековой богословской литературы. Толкования имен встречаются в житиях святых. Обычно значение имени святого предрекает его будущую жизнь. Радбод приводит англосаксонское имя святого – *Liafuwim*, искаженное *Leafuwine* – “любезный друг”, и на значении имени святого строит объяснение его жизни: “Любезный Христу, ибо он любит Христа” [3, v. 132, col. 560]. Так и толкование имени становится способом восхваления героя эклоги. В конце “песни” Радбода помещена молитва к святому, соответствующая топосу “призывание благословения свыше”, с тем, чтобы святой защитил “почитающих Христа” в земной жизни и после смерти проводил их в Небесное Царство. “Эклога о св. Лебуине” завершает собой период существования Каролингской эклоги.

Буколический жанр, сформировавшийся в эпоху Октавиана Августа, при Карле Великом и его преемниках обретает новую жизнь. Каролингская эклога не является плодом механического следования требованиям античного жанра, но становится его творческим развитием. По сравнению с ее античными образцами раннесредневековая эклога VIII–IX вв., относящаяся к жанрам ученой литературы, получила возможность отражать события окружающей действительности, пусть и в аллегорической форме. Поскольку аллегории были либо прозрачны и всем понятны, либо объяснялись непосредственно в самих эклогах, буколика могла живо реагировать на происходящее. Как и в античности, эклога сосредоточивается на изображении человека, но в эпоху Каролингов на смену пастуху, селянину приходит император, наделенный властью свыше, поэтому на первое место среди топосов, типичных для буколического жанра, выступают топоры хвалы. Однако и император не остается единственным главным героем эклоги. Развитие жанра, тесно связанное с культурно-исторической ситуацией, приводит к десакрализации императорской власти. На некоторое время в центре внимания поэтов оказываются епископ или настоятель монастыря, но глубоко укоренившееся в сознании средневекового человека представление о герое, освященном Божественной благодатью и являющемся ее проводником на земле, пересиливает. Позднекаролингская эклога прославляет святого.

На протяжении всего периода бытования Каролингской эклоги топоры хвалы остаются наиболее важными и часто употребляемыми по сравнению с другими топоры, унаследованными эклогой VIII–IX вв. от античности, однако их содержание изменяется в зависимости от того, о ком пишет тот или иной поэт. Так, создание

образов императора и святого требует от поэта внимания к разным качествам характера, хотя оба они являются проводниками воли Божией на земле. Особое значение топосов хвалы, придающее буколической поэзии характер панегирика, является отличительной чертой Каролингской эклоги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Green R.P.H.* Seven versions of Carolingian pastoral. Reading, 1980.
2. *Wetherbee W.* From late Antiquity to the twelfth century // *The Cambridge history of Literary Criticism*. V. 2. The Middle Ages. Ed. A. Minnis, I. Johnson. Cambridge, 2005.
3. *Migne J.-P.* Patrologiae Latinae Cursus Completus. Electronic Book Technologies, Inc. & Chadwick Healy Ltd. 1993–1996.
4. *Publii Vergilii Maronis.* Bucolica et Georgica. Ed. T.E. Page. L., 1931.
5. *Poetae Latini Aevi Carolini.* V. 1. Ed. E. Duemmler. Berolini, 1881 (repr. 1964).
6. *Cooper H.* Pastoral: Medieval into Renaissance. L., 1977.
7. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
8. *Дуров В.С.* История римской литературы. СПб., 2002.
9. *Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Bucolica et Georgica Commentarii.* Ed. G. Tilo. Lipsiae, 1887.
10. *Cairns F.* Virgil Eclogue 1.1–2: A Literary Programme? // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 99 (1999).
11. *Arnold B.* The Literary Experience of Vergil's Fourth “Eclogue” // *The Classical Journal*. Vol. 90, No. 2. (Dec. 1994–Jan. 1995).
12. *Schultz Celia E.* Latet Anguis in Herba: A reading of Virgil's Third Eclogue // *American Journal of Philology* 124 (2003).
13. *Perkell Chr.* On Eclogue 1.79–83 // *Transactions of the American Philological Association* (1974–). Vol. 120 (1990).
14. *Berg W.* Daphnis and Prometheus // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 96 (1965).
15. *Savage, John J.H.* The Art of the Second Eclogue of Virgil // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 91 (1960).
16. *Skutsch O.* The Original Form of the Second Eclogue // *Harvard Studies in Classical Philology*. Vol. 74 (1970).

17. *Dix T. Keith*. Vergil in the Grynean Grove: Two Riddles in the Third Eclogue // *Classical Philology*. Vol. 90. No. 3 (Jul. 1995).
18. *Henderson J.* Virgil's Third Eclogue: How Do You Keep an Idiot in Suspense? // *The Classical Quarterly*. New Series. Vol. 48. No. 1 (1998).
19. *Wormell D.E. W.* The Riddles in Virgil's Third Eclogue // *The Classical Quarterly*. New Series. Vol. 10. No. 1 (May 1960).
20. *Minor Latin poets*. Ed. J. Wight Duff, Arnold M. Duff. L., 1968.
21. *Poetae Latini Aevi Carolini*. V. 2. Ed. E. Duemmler. Berolini, 1884 (repr. 1964).
22. *Herren M.* The "De Imagine Tetrici" of Walahfrid Strabo: Edition and Translation // *The Journal of Medieval Latin*. 1991. № 1.
23. *Menander Rhetor*. Ed., tr., comm. D.A. Russell and N.G. Wilson. Oxford, 1981.
24. Книга Пророка Исаии // Книги Ветхого Завета в переводе П.А. Юнгера. Большие Пророки. М., 2006.